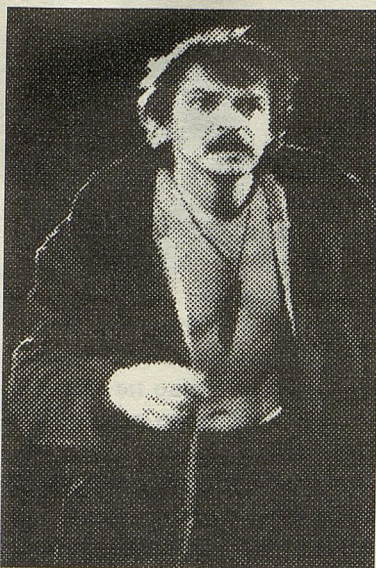

♦ "ПАНОЧКА" Театр-студия "Человек"

...Выезжает странная повозка, изображающая купе вагона, там сидят трое, и один — маленький, взъерошенный человек в тулупе — смотрит в зал затуманенным, полубезумным взглядом.

Он был болен, он и сейчас еще в лихорадке, он одержим какой-то неподвижной идеей. В нем есть страсть, он все до страсти доводит.

Это Рогожин из спектакля Сергея Женовача «Идиот».

Сергей Качанов не относится к числу самых популярных актеров. Он почти не появляется на экра-

не. Его мало кто знает, о нем редко пишут. А это один из интереснейших актеров Театра на Малой Бронной. Качанов играет главные роли, но всегда немножко в тени. «Он никогда не делал себе рекламы, а ведь мог бы иметь и другую судьбу», — сказал о нем кто-то.

У него асимметричное лицо, одна бровь выше другой, выпуклый лоб, голова чуть вскинута; эта асимметричность и в пластике гибкого тела, всегда чуть вверх, чуть наискосок. Черные глаза, подозрительный, острый, напряженный, сосредоточенный взгляд. Голос его узнаешь мгновенно: резкий, звенящий, интонация, как и пластика, изломана и устремлена вверх.

одет как холуй, и стою молчу, на нее глаза пялю, потому стыдно».

Поэтому поступил не на актерский, а в институт связи. Но от судьбы не уйдешь. В институте была театральная студия, а руководила ею Людмила Рошкован. «Людмила Романовна — Вы преступница! Вы всунули в эти руки сосуд с ядом и вынудили его выпить. Неизвестно, до каких пор я буду корчиться в судорогах, но время нас рассудит, и Вы получите свое! Жертва — Сереженька», — написал он ей позднее программку спектакля «Игроки».

Позднее студия возьмет себе имя «Человек». И Качанов проведет в ней семнадцать лет.

Как давно это было! 1974 год, инсценировка по повести Б. Васильева «В списках не значился». Качанов играл две противоположные по темпераменту роли — простого парня Сальникова и свихнувшегося от страха молодого солдата Волкова. Работа была сделана с одной пробы. В спектакле «Маяковский» Качанов сыграл роль поэта. «Люди не догадывались, что есть такой Маяковский — страдающий, мучающийся, загнанный в угол, обреченный», — говорили те, кто запомнил Качанова в этом спектакле.

После института Качанов поступил в «ящик», но работу в студии не бросал. Существовал в бешеном ритме. Два часа на электричке — ежедневный путь из Чехова до столицы (продежливает он его и по сей день, жильем в Москве так и не обзавелся), восемь часов на работе, затем до поздней ночи — на репетициях.

Качанов, ветеран студии, повторял все повороты ее судьбы. Он был там после того, как в 1976 году из-за спектакля «Маяковский» «Человек» нашел пристанище в ДК «Красная Звезда». Там вышла «Смерть Тарелкина», где Качанов сыграл Расплюева — смешного, трогательного, наивного. Там же Рошкован поставила пьесу Ружевича «Картотека» (Качанов играл Героя —

ЕМУ НЕ НАДО МЕШАТЬ

Дом актёра. 1996. — № 1-2. — С. 10-11

У качановского Рогожина в душе — ад! Он вообще не очень понимает, что происходит. Только глаза — полупьяные, растерянные, выражают муку, которую переживает он. Вот прошептала Настасья Филипповна: «Значит, в самом деле, княгиня!» Как потух, поник Рогожин! А потом — загорается в нем надежда, светлеет дикий взгляд. Вот он «принимает» Мышкина за столом, сидя под портретом отца. Глаз не видно, вместо них — щелочки, крупный план словно отодвинулся. Рассказ Мышкина о том, как крестьянин зарезал приятеля. Небольшая пауза — и как неожиданно, сильно, резко расхохотался Рогожин, согнувшись пополам.

А ночной визит Рогожина, разыгравшийся в большом мозгу Ипполита Терентьева! «Привидение» в молочно-белом фраке входит по-кошачьи, на цыпочках, садится напротив Ипполита, опершись на ладонь, тело под острым углом. Жутковатая, смешная, зловещая марионетка. Он говорит с Ипполитом ласково, ехидно. «Я почувствовал», — начинает Ипполит, «холод в спине?» — как-то издевательски-радостно подхватывает Рогожин. И когда дрожащий от напряжения и изнеможения Ипполит почти кричит: «подошел к двери», «привидение» изящно подходит к боковой части декорации, на словах «отворил ее» — присвистывает, делая вид, что открывает дверь, «притворил» — так же откровенно-театрально прикрывает, «и вышел» — Рогожин быстро выходит в закрытую дверь!

...Театр манил, притягивал с юности, но Качанов считал, что не достоин актерской профессии. Он мог сказать о себе словами Рогожина, которого сыграет в сорок лет: «Я и ростом мал, и

затерянного в этом мире одинокого человека, которого спасает только самоирония) и Мрожека «В открытом море» — персонаж Качанова назывался Мелкий обломок. Это был поток импровизаций, блистательная, неожиданная смена состояний. Потом, в связи с польскими событиями, спектакли закрыли и студию — в который раз! — обвинили в антисоветизме.

«Этот актер обладает даром создания трагических образов, необычайной заразительностью, острым нервом, абсолютной правдивостью и разнообразием красок во всех ролях», — когда-то записала Рошкован в своих черновиках.

Качанов восемь раз пытался поступить в театральные вузы. Ему говорили: «Молодой человек, вам в театре нечего делать, не тратьте времени, не ходите.» В Щепкинском, в Щукинском, во МХАТе, в ГИТИСе — одно и то же: «Нет способностей.» В 1982 году поступал на курс к Эфросу. Тогда комиссия сказала: «Он устал от жизни». Решил уже, значит, не судьба. Но через год ему позвонил Анатолий Васильев, он все время настаивал на том, что Сергей должен получить актерское образование: «В этом году набирает Фоменко, иди, поступай обязательно.» Это был 1983 год. И Качанов поступил; не на актерский, по возрасту было уже поздно, а на режиссуру.

На курсе с Качановым в режиссерской группе учились Сергей Женовач и Артем Хряков, в актерской — Евгений Калинин, Елена Матвеева, Владимир Топцов, Дарья Белоусова. Все они станут его партнерами и в студии, и в театре на Малой Бронной. Актерская природа Качанова брала свое. Он блестяще играл во всех отрывках. Друзья говорили: «Зачем тебе заниматься режиссурой, если ты замечательный актер?» Лучшей своей

ролью он до сих пор считает Отца в спектакле Женовача «Дураки из Мэйо».

В ГИТИСе они выпустили знаменитый спектакль «Игроки», в котором Качанов сыграл Швохнева. Здесь в полной мере проявился импровизаторский дар актера. «То, как идет спектакль, зависит от того, каковы сегодня Утешительный и Швохнев... Ес-

♦ «МАЯКОВСКИЙ» студия «Человек»

ли сегодня в ударе Качанов — спектакль будет взрываться импровизациями... Из-под него выдергивают стул — он продолжает сидеть в пустоте. Он в раздражении — и с ног срываются башмаки, улетая неведомо куда. Он гневно обличает практичность Глова-старшего... — и вдруг взлетает,...и садится как муха на стену, обхватив руками и ногами портал.» («Театр», N 10, 1987. Д.Годер «Из жизни шулеров».)

Фоменко сказал тогда: «Этого актера не надо режиссировать, ему не надо мешать — он все сделает сам.»

Качанов не бросал «Человек» и во время учебы в ГИТИСе. В 1983 студию выгнали из «Красной Звезды», и она переехала в сырой подвал на Бауманской, в 1985 — поселилась на Трехгорке, в ДК им.Ленина. В 1987 «Человек» наконец получил профессиональный статус и помещение в Скатерном переулке. Там Качанов выпустил свой дипломный спектакль — «Источник святых» по Сингу, где сыграл роль Мартина.

Эти годы — с 1987 по 1991 — были самым удачным периодом жизни студии, кульминацией долгого пути. Здесь играли легендарных «Эмигрантов» в постановке Михаила Мокеева. Здесь Роман Козак выпустил «Чинзано», «Елизавету Бам на елке у Ивановых», Дмитрий Брусникин — «В ожидании Годо», Сергей Женовач — «Панночку» и «Иллюзию», Рошкован поставила «Стриптиз» Мрожека. Спектакль возили на фестиваль Мрожека в Краков — по словам драматурга это была лучшая постановка его пьесы из всех, что он видел. «Пластика персонажей, точный жест, марионеточно ритмизованные движения, дуэт не только слов, но и взглядов», — писала польская пресса о работе Качанова и Гаркалина. Но, несмотря на успех, Качанов потом отказался играть в «Стриптизе». «Есть много драматургов, которые мудрее, добрее, талантливей Мрожека, — сказал Сергей. — Я не люблю его, в нем нет света.»

Сергей Качанов — ужасно несовременный человек. Он может себе позволить играть только в тех спектаклях, которые ему нравятся, отказаться от выгодного предложения в кино.

Качанов прочно связал свою судьбу с Женовачом.

Во время работы над спектаклем «Панночка» по пьесе Н.Садур начала складываться знаменитая «команда» — Елена Матвеева и Владимир Топцов, Ирина Розанова и Сергей Тарамев, Сергей Баталов и Сергей Качанов. Эта команда, уже значительно расширенная, живет и по сей день — на Малой Бронной, и Качанов трогательно и фанатично ей предан.

В «Панночке» Качанов играл Явтуха. Явтух — казак-интеллектуал. Самый умный, самый старый. И самый безжалостный. Он зловеще-ласково настаивает на том, что надо идти, читать отходную: нигде не денешься. Поразительная роль: он почти неподвижен, сидит притулившись, угрюмо подперев голову рукой. Вся эта гротескная роль сделана минимальными средствами. А какая странная пластика: сидит ли, стоит ли он — все время на полусогнутых ногах. В сцене драки Явтух на своих кривых ножках разбрасывает всех одним прикосновением — не колдовская ли сила сидит в нем?

На этом спектакле рождалось главное, что будет отличать эту труппу от многих театральных организмов, — наслаждение от того, что играют друг с другом.

Затем была «Иллюзия» Корнеля. Качанов сыграл комического персонажа Матамора. В «Иллюзии» Качанов открыл богатейшие пластические возможности, научился двигаться так, как никогда не двигался, произносил свои монологи в самых невероятных позах. Спектакль был построен по принципу столкновения ритмов — поэтических, пластических, эмоциональных. Тепло живет в одном ритме, стихотворная речь — в другом. Режиссер поставил перед актером задачу: все время находиться в определенном эмоциональном состоянии. Ведь герои пьесы — это тени, а у теней эмоция живет сама по себе. Она возникает сразу и нигде.

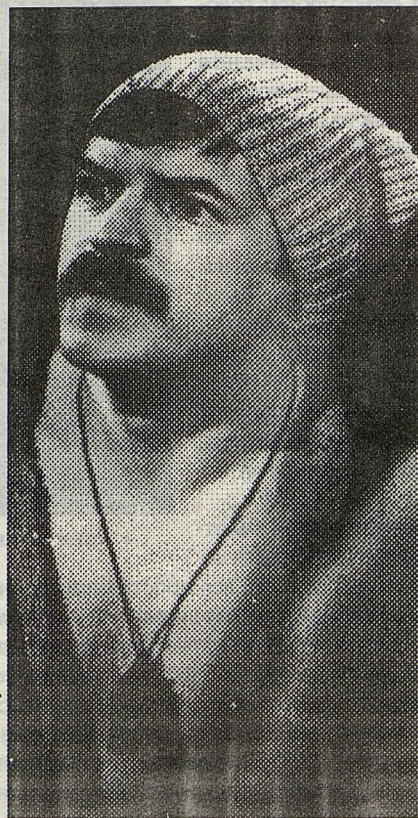
После «Иллюзии» захотелось сделать что-то мощное, трагическое, масштабное. Остановились на «Короле Лире», но этот замысел перерастал студийное пространство. «Лир» вышел в Театре на Малой Бронной в 1992 году.

«Король Лир» Женовача в декорации Гальперина — квадрат, меняющаяся конфигурация из пяти резных брусьев и четырех оснований. «Нужно было какое-то гибкое деление пространства. Деревянные балки должны быть тяжелые, вечные, в них должна быть заложена какая-то история», — говорил Женовач.

Столярные мастерские не брались за эту работу, и Качанов взялся делать декорации сам. Закупили в Ясногорске квадратный дубовый брус. Несколько месяцев Качанов стругал, делал разметку резьбы. И саму резьбу сделал вручную, стамеской. Он говорит, что больше энергии было затрачено на изготовление декораций, чем на работу над ролью.

Вообще-то, он хотел сыграть Лира лет в пятьдесят. Трудно играть отца, старика, когда ты ровесник своим партнерам. Приходилось преодолевать это волей, собранностью, во много раз большей, чем у остальных.

Качанов говорил: «Обычно Лира играют «до» безумия и «после». А, по-моему, человека в принципе изменить невозможно. И Лир не меняется, а поворачивается разными

♦ «ПАНОЧКА» театр-студия «Человек»

♦ "КОРОЛЬ ЛИР" Театр на Малой Бронной

границами. Все это было в нем, просто раньше не замечали.» Качановский Лир безумен с самого начала. Актер сыграл не перелом, а кульминацию. Его Лир не сходит с ума, а дает волю безумию, которое в нем все время сидело. Это очень симпатичный сумасшедший. А сцена бури — наверное, самая тихая в спектакле.

«Самые страшные, горестные вещи в жизни происхо-

дят тихо. Душа в смятении... Конечно, буря внутри. Когда человеку больно, кричать он не будет, — считает Качанов. — Лир во всем старается дойти до конца. Как и в сцене гибели — сам заставляет себя умереть, пойти вслед за Корделией. Лир уходит, потому что уверен: он встретится с ней».

«А дурочку повесили мою...» — удивленно произносит Лир, он сидит напротив дочери, прислонившись спиной к перекладине. Очень трудно передать решимость, когда ты сидишь. Качанов сел с прямой спиной, как-то нелепо раздвинув ноги. «Ушла ты навек. Что же делать? А, так ты ушла. Навек. Навек. Ты навек ушла? Навек?... Вот оно: значит, через век мы встретимся.» Лир сначала пытается вернуть ее в этот мир. А как вернуть неживого человека? Надо, чтобы он вел себя как живой. А живые люди голову не склоняют, она у них не падает набок. «Ты сейчас будешь живая. Я поставлю голову, и ты будешь живая. И пусть кто-нибудь скажет, что ты не живая. Не получается. Хорошо. Тогда я уйду туда». Что-то говорит ему человек, похожий на Кента. Что-то о дочерях. О том, что он и есть тот самый Кент, изгнанный когда-то королем. «Может быть», — рассеянно произносит Лир. Со всем этим мы еще разберемся. Сейчас не до того. «Он вас не слышит», — замечает Олбани. Что-то случилось со стариком — мгновенный вздох, он неожиданно оборвал себя, резко уронил голову на грудь, застыл и умер.

После Лира Качанов сыграл Варнера — комического злодея из знаменитой мелодрамы Дюканжа «Тридцать лет, или Жизнь игрока».

Варнер стал вторым его игроком после Швахнева. Но если в «Игроках» было «коллективное творчество», то здесь всем манипулирует один Варнер. Он и придумывает преступление, совершает его, и сам же, как зритель, наслаждается красотой исполнения.

Роль Варнера — балетная. Этот гибкий, черный человечек держит в руках все пространство сцены. Он находится одновременно везде, он неуловим, он ни секунды не стоит прямо — то застывает в замысловато-изящной позе, то откидывается назад, то становится на цыпочки, вращается, словно опутывая своих жертв, заставляет их плясать под его дудку. Он задает ритм, бешеный темп, он затевает злодейские интриги. (Варнерниший — убог, увечен, но так же настороженно-хитро блестящего глаза, так же подозрителен и жесток он, и в жалостных интонациях проскальзывают прежние зловещие ноты. Он уже не

похож на привлекательного злодея, но еще не утратил способности обольщать, уговаривать.)

Качанов прекрасно чувствует двойственную природу этого жанра. Вот он, кажется, весь отдается своему чудовищному замыслу, но тут же ему хватает хладнокровия деловым тоном произносить реплики в зал — удастся или не удастся. Варнер все время на волоске от гибели, казалось бы, пропал, раскрыт, но вдруг напрягается как струна: «Меня не называть!». Качанов умеет тонко существовать на грани пародии, но временами в его Варнере проглядывает чуть ли не балзаковский герой.

«Я не люблю только одного своего персонажа — Войничского. Вообще герои Чехова мне, как человеку, неинтересны. Мне с ними не по пути. А актеры, конечно, интересны.»

Незаметно начинает он роль: желчный, нервный человек, его все раздражает — застольная болтовня, честный, глуповатый Хрушов, а больше всего — профессор. «Но если я его ненавижу», — просто и как-то весело произносит он. Во втором действии, в сцене грозы, этот невзрачный человек в халате бродит по дому, терзаемый какой-то мукой. Он ничего не замечает: ни злого, как пощечина, замечания Хрушова о его романе, ни циничных слов Федора, он сосредоточен на чем-то своем. И вдруг пронзительно, надрывно вскрикивает: «И была бы она теперь моей женой!» И внезапные слезы, когда он смотрит на Сою. В третьем акте маета нарастает, Войничский не находит себе места. Мы не видим, как постепенно закипает он, как зреет буря. Он откровенно зевает, слушая разглагольствования Серебрякова. Но вот что-то изменилось в лице Войничского. Что-то шелкнуло. Что сказал Серебряков? Продать имение? Сдерживаться больше нет сил. И этот скучный человек вдруг преобразается. Все разрушается. Он вскакивает с места, просит воды, вновь отворачивается, затем хватает за руку Вафлю, нехотая подвернувшегося, призывает его в свидетели. Это раздражение должно было вылиться наружу — оно рождалось в бессвязном первом действии из духоты, предчувствия грозы во второй сцене, из грустного опьянения, скуки третьего акта. Вой-

ничского уже не остановить. Он разрушает стройный полукруг, срывает с соломенного кресла мать; беспомощно мечется Дядин, встает Елена Андреевна. Жорж вырывается от них и бросает профессору: «Ты погубил мою жизнь!» И бросается перед матерью на колени: «Что мне делать?»

«Леший», как и все спектакли Женовача, прекрасен ансамблем. И все же ощущение тревожной грусти, которое рождается в финале, было бы неполным, если бы в спектакле не было такого Войничского. Пожалуй, именно эта фигура, порой жалкая, порой трагичная, держит на себе сложный

♦ "СМЕРТЬ ТАРЕКИНА" студия "Человек"

жанр чеховской пьесы.

Герои Качанова — и страдающие, и дьявольски-зловещие, и растерянные, и наивные, и смешные — все доводят до страсти, они не могут ни на минуту расслабиться, освободиться от мучительной идеи.

«... Ты играешь, а душа смотрит на тебя сверху. Обычно это бывает, когда играешь очень хорошо...».

Ирина Тлущенко